

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, профессора

Артамоновой Людмилы Михайловны

на диссертацию Бугрова Константина Дмитриевича

«Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.»,

представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Диссертация К.Д. Бугрова посвящена научной проблеме развития государственно-административных и культурно-исторических взглядов на общество, сложившихся в России 18-го столетия. В данном случае эта проблема рассматривается на конкретном материале зарождения и становления идей республиканизма. Именно формирование республиканской парадигмы в российской социально-политической мысли XVIII века стало предметом рецензируемого исследования, актуальность и новизна которого не подлежат сомнению.

Данное исследование продолжает на российском материале ведущееся в мировой исторической науке изучение республиканского дискурса в странах Европы и Америки. Оно включает опыт общественной мысли России по данной теме в глобальный контекст и является первым в отечественной историографии комплексным исследованием начального этапа трансфера и адаптации республиканизма на русской почве в 18-м столетии.

Автор диссертации аргументировано обосновывает хронологические рамки исследования рубежами XVII-XVIII и XVIII-XIX вв. Они охватывают время от возникновения в России «форм политической коммуникации», присущих Новому времени, до завершения «складывания основных моделей

аргументации о республиканизме». Затрагивается также ряд аспектов истории общественной мысли других периодов, как объясняет соискатель, в силу «необходимости изучения идейных истоков республиканизма» (с. 7-8).

К.Д. Бугров очень внимательно отнесся к трудам предшественников. Об этом свидетельствует обстоятельная характеристика историографии, включившая и накопленную за триста лет литературу, и самые современные исследования, включая многочисленные работы зарубежных авторов. Историографический обзор и анализ имеющейся литературы позволили сделать убедительный вывод о своевременности и востребованности предпринятого соискателем исследования.

Источниковая база диссертации является вполне репрезентативной. Опубликованные и тщательно выявленные в библиотеках публикации, значительное количество которых представляют собой настоящие раритеты, дополнены рядом рукописных публицистических произведений и законопроектов, хранящихся в РГБ и в РГАДА.

Обилие и сложность историографии и источников потребовало от соискателя не ограничиваться их освещением во Введении. Более развернутое изложение историографического и источниковедческого очерков даны в специальных параграфах 1-й главы.

Четко сформулированы цель и задачи диссертации. Весьма обоснованной представляется основанная на них структура исследования. Основное содержание диссертации К.Д. Бугрова представлено в шести главах, построенных по проблемному принципу. Логика изложения авторских наблюдений, аргументов и выводов представляется адекватной проделанной работе.

Во многом и логику, и структуру диссертации продиктовала избранная соискателем методология. Помимо общеисторических методов, без которых не обходятся так или иначе все работы соответствующего профиля, автор выделяет в качестве основных следующие приемы. Во-первых, это подходы

«кембриджской» школы изучения истории понятий. Во-вторых, используется инструментарий теории жанров М.М. Бахтина. В-третьих, конструкция исследования основывается на концепции модернизации (с. 10-11).

Можно только приветствовать предварительную четкую артикуляцию соискателем своего теоретического кредо. Такое происходит в современных диссертационных исследованиях не так часто, как хотелось бы. Соискатель же, обозначив свою позицию, тем самым предупредил, чтобы от него не ожидали ставших привычными социологически детерминированных поисков того, какие «классовые», «сословные» и прочие «групповые» интересы отражали те или иные «представители общественной мысли». Вместо этого К.Д. Бугров предлагает «концентрацию исследовательского внимания на используемом историческими акторами языке – аргументах, образах, риторике и стилистике», на инновации «интеллектуальных феноменов (концепций, идей)» (с. 9).

Как подчеркивает соискатель, для него история общественно-политической мысли не является историей выражения этой самой мысли «коллективными акторами» или историей существовавших доктрин. Он воспринимает эту историю как «историю дебатов». Он согласен с теми авторами, чей интерес вызывают не «доктринальные характеристики», а «коммуникативные практики» (с. 47, 49).

Так, вслед за М.М. Бахтиным он стремится к определению «коммуникативных сфер» рассматриваемых идей (с. 10). Модернизация же выступает у него двумя взаимосвязанными процессами: во-первых, «вестернизацией» в качестве способа доставки (трансфера) рожденных на Западе идей в Россию, а, во-вторых, их «адаптацией» в российских условиях, в национальной политической культуре (с. 11).

В таком методологическом поле республиканский дискурс включает, по мнению соискателя, прежде всего, осмысление вопросов о гражданской добродетели и коррупции, равенстве и свободе, историзме циклических перемен

в обществе и формах правления. Соискатель решительно возражает против отождествления республиканизма с реформаторскими проектами, даже при наличии в них проявлений конституционализма и парламентаризма (с. 32). Он убежден: «Конституционализм и республиканизм в истории отечественной политической мысли следует разделять: первый был конформным по отношению к доминировавшей монархической линии» (с. 269).

Надо признать, что на вышеизложенной теоретической основе в отечественной историографии не рассматривалась не только идея республиканизма, но и монархический дискурс в России. Это потребовало от К.Д. Бугрова подробно остановиться на определении «различий между монархизмом и республиканизмом», которые складывались «в процессе обсуждения актуальных политических проблем XVIII в.» (с. 7).

В ходе решения этой задачи на протяжении 2 и 3 глав диссертации был осуществлен кропотливый анализ как провиденциальной, преимущественно религиозной трактовки монархии, так и секулярной интерпретации монархизма в русской политической мысли. Соискатель утверждает, что отличия церковных и светских политических текстов XVIII века свидетельствуют не о переходе культуры от «средневековья» к «обмирщению», как это часто трактуется, а о разных глоссариях утверждения монархической идеи. Оба «языка» складывались одновременно с конца XVII в., оба пришли на смену традиционалистским воззрениям на монархию, присущим Московскому царству. Этими языками могли пользоваться как духовные лица, так и миряне.

Слова из того и другого набора, провиденциального и секулярного, звучали с амвонов в проповедях, с печатных страниц в придворных одах и политических трактатах, в рукописных строках реформаторских «прожекторов», хотя, конечно, у каждой риторической стратегии были свои предпочтения. Так, аргументация общего блага и естественного права была ближе и понятнее светским политикам. Однако она так же успешно обосновывала монархию, как и

апелляция к воле Провидения. И для провиденциального, и секулярного проговаривания монархического дискурса был характерен морализм, подразумевавший наличие единственно верного решения во имя общего блага, определяемого верховным арбитром – императором (с. 270).

В главе 4 показано, как под сильным воздействием текстов Фенелона осваивалось республиканское, по сути, понятие гражданской добродетели. В отличие от универсальной добродетели христианства и «моральной монархии», гражданская добродетель подлежала культивированию социальными, экономическими и политическими мерами, прежде всего, направленными против коммерции, роскоши и вызываемой ею коррупции (с. 303).

Однако в России, как убедительно показывает соискатель, «в публичной сфере подобная атака на коммерцию была невозможна, поскольку необратимо привела бы не только к полемике с авторами вроде Монтескье или Мелона, но и к прямой конфронтации с культом монарха-демиурга». При этом коммерция воспринималась как одно из творений просвещенного правителя и «выступала важнейшим маркером европейской идентичности России» (с. 342).

Обратим особое внимание на отмеченное соискателем интересное наблюдение. Уже в 18-м столетии проявилось критическое отношение к ряду экономических и социальных проявлений вестернизации со стороны значительного числа тех, кто принадлежал к интеллектуальной элите и привилегированному «благородному сословию». Считаем, со своей стороны, возможным продолжить эти рассуждения во времени. Тогда следует признать, что антибуржуазные, а значит и антимодернизационные настроения заметной части интеллигенции и дворянства в XIX – начале XX вв., опирались на достаточно давнюю и устойчивую традицию, уходящую в 18-е столетие.

Данная традиция долго культивировалась в оппозиционном или, как оно самоопределялось, «освободительном» движении. Эта традиция, в конечном счете, придала особую радикальную окраску русским революциям с их

неприятием таких базисных принципов западного общества как богатство, личный успех, индивидуализм и т.п. В этом же заключалась одна из основных причин того, почему последовательным проводником модернизации в России долгое время оставалась верховная власть и «просвещенная бюрократия», а общественность оказалась неспособной возглавить этот процесс.

В 5 главе диссертации К.Д. Бугров доказывает наличие специфического использования идей республиканизма для обоснования дворянских привилегий и крепостного права. Если традиционная религиозная мысль в России устранилась от обсуждения социальной иерархии, объясняя ее наличие определенными свыше функциями-«должностями» различных групп населения, то в середине XVIII в. возникает трактовка этой иерархии с использованием республиканского представления о добродетели. Идущий из античности принцип наделения правами только «свободных», отличающихся от «рабов» как раз наличием гражданской добродетели, был с некоторым учетом христианских и просветительских понятий распространен на помещиков и крепостных России.

Дворяне в силу исторических причин, в том числе воспитания и образования, претендовали на обладание добродетелью особого качества. Это давало им основания заниматься управлением как на военной и гражданской службе государству, так и в частных имениях.

Даже когда делались эгалитарные попытки признать естественное равенство и наличие добродетели у людей разного статуса, чему способствовали взгляды Ж.-Ж. Руссо, то они деполитизировались и ставились вне рамок дискурса о формах правления. Следовательно, они никак не способствовали развитию республиканизма.

Жанром, где русская общественная мысль, по мнению К.Д. Бугрова, все же сумела адаптировать в конце XVIII в. республиканские идеи в глубокой и последовательной форме, были историко-политические сочинения. Этот вывод был сделан в развитие утверждения соискателя о том, что проблема становления

республиканизма была «связана не с противоборством законности и произвола, а с генезисом релятивистского и историзирующего взгляда на политику» (с. 289).

К.Д. Бугров считает справедливым мнение о том, что республиканизм в России к рубежу XVIII – XIX вв. стал не столько «идеологией», сколько «культурой». При этом он уточняет, что «в российской культуре, включая и придворную, и публичную сферы, существовал устойчивый интерес к греко-римской истории и литературе, и вот этот-то интерес и стал важнейшим инструментом для формирования республиканской идеологии» (с. 447).

Однако для связи российского настоящего и античного прошлого нужен был очевидный мост. Им стал древний Новгород.

В начале XVIII в. произошло «открытие» А.И. Манкиевым существования в далеком прошлом России великой северной республики. Оно стало в течение этого столетия общепризнанным. Правда были и исключения, например, В.Н. Татищев и Екатерина II считали древний Новгород монархией.

Несмотря на отдельные возражения, в итоге произошло сопоставление Новгорода с классическими античными образцами. Это случилось, «благодаря трансферу из европейской интеллектуальной традиции». К.Д. Бугров называет данное явление «экземплификацией» (с. 424).

У тех россиян, кто симпатизировал республиканским идеям, данное обстоятельство вселяло надежду на возрождение гражданских добродетелей, на признание рабства, бесправия, деспотизма чуждыми и наносными явлениями для русской истории. Убежденные сторонники монархии, а среди них был и сам Манкиев, на этом примере старались показать недостатки республиканской формы правления и ее неприменимость для России, хотя патриотическая парадигма заставила даже их отказаться от признания неизбежной военной слабости республики как формы правления.

Наиболее полными для России в XVIII в. проявлениями республиканского дискурса соискатель признает «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н.

Радищева и трагедию Я.Б. Княжнина «Вадим». При этом он не считает ни того, ни другого последовательными сторонниками республиканизма. Соискатель показывает, что Радищев во многих местах близок к монархической литературе, а Княжнин не проявляет явных симпатий в описании борьбы республиканского и монархического начала в истории Новгорода.

Последовательно придерживаясь выбранной изначально методологии, соискатель видит «между текстами Радищева и Княжнина существуют глубокие различия (начиная с жанровых)». Он сомневается, что эти «авторы разделяли единую идеологическую позицию», предлагает рассуждать «не о теории или доктрине, а о языке, стиле, манере говорить на темы, связанные с политикой» (с. 449). Ссылаясь на западных исследователей К.Д. Бугров, впрочем, не выставляет русский республиканизм каким-то не совсем полным и правильным. Даже во Франции «республиканская риторика для XVIII в. не предлагала никакой стройной теории построения государства свободы». Она хорошо служила «орудием критики социально-политических реалий европейских монархий с их растущим бюрократическим аппаратом, армиями и коммерцией», но не объясняла, «как возникают республики» (с. 480).

Добавим от себя, что о том, как возникают республики, действительно теоретики республиканизма не знали, поэтому этот вопрос пришлось решать на практике во Франции. Было использовано латинское слово «революция» («оборот», «возвращение»), ставшее употребительным в кругах астрономов после выхода в свет великого труда Николая Коперника «О вращении небесных сфер». В переносном смысле в политической терминологии оно стало широко использоваться, начиная с английской «славной революции» 1688-1689 гг., которая знаменовала восстановление, реставрацию монархии. Спустя век, слово «революция» в горниле французских событий быстро изменит свой смысл от «возвращения утраченного законного порядка» на «решительный слом старого режима». Тогда же возникнет практически неразрывная связь понятий

«республика» и «революция», «революционер» и «республиканец». Схожие метафоры в Западной Европе будут происходить с другими словами, наполнявшими новый политический глоссарий, например, «пропагандой», пришедшей из обихода церковных проповедников. Только что освоив целый комплекс понятий и представлений, накопленный тысячелетиями от классиков греко-римских времен до авторов Великой «Энциклопедии», русские мыслители и писатели были вынуждены вслушиваться в чужую речь и вглядываться в стремительно меняющуюся жизнь зарубежья.

Русской общественной и исторической мысли вновь приходилось осваивать новую терминологию. Французский еще на несколько десятилетий останется языком социального и культурного трансфера европейских политических идей в отечественную действительность и повседневность. Вместе с немецким в конце XVIII – первой половине XIX вв. эти два языка были «генетическим кодом», который обеспечивал от Парижа и Женевы до Петербурга и Москвы циркуляцию сначала идей Просвещения, а затем новых пришедших им на смену философских и культурных инноваций. Происходила их гибридизация или, как предпочитает говорить К.Д. Бугров, «амальгамирование» с русскими идейными и политическими традициями. Это вело к встраиванию отечественной общественной мысли в единое европейское коммуникативное пространство при сохранении, конечно, в ней национальных черт и особенностей.

В эпоху революционного перелома, начатого событиями во Франции и потрясшего всё мироустройство, русский язык только начинал перестраивать свою лексику и семантику на новый лад. Полностью адекватным происходящему, надо признать, был только язык страны - эпицентра революционного катаклизма. На французском языке Негласный комитет обсуждал реформы Александра I в России, на нем же русские политики вели борьбу на дипломатическом фронте с империей Наполеона, а после ее краха будущие декабристы мечтали о преобразовании страны.

«Золотой век русской культуры» - 19-е столетие преодолевает это «языковое» отставание, раскрывает богатства и возможности русского языка, в том числе как языка философии, истории и политики, но произойдет это позже. Однако началось осознанное обогащение родной речи общеевропейской социально-культурной терминологией еще в XVIII в., что убедительно показал К.Д. Бугров на примере монархического и республиканского дискурса.

Соглашаясь с основными выводами и отмечая несомненные достоинства рецензируемого исследования, хотелось бы высказать по ней несколько замечаний и пожеланий:

- Автор может не соглашаться с теоретическими основами, на которых стояли Георгий Пантелеймонович Макогоненко и Михаил Тимофеевич Белявский, но считаем неверным совсем пройти мимо их трудов, определявших в свое время тренды изучения истории культуры и общественной мысли: «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века», «Радищев и его время», «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли)» и др. К тому же они содержат не утративший ценности богатый фактический материал.

- Не понятен отказ соискателя от привлечения в качестве источника одической поэзии Г.Р. Державина. Это одинаково относится и к получившим широчайшую для своего времени известность текстам, (например, «К Фелице»), и к незаслуженно редко вспоминаемым «Читалагайским одам». Во всяком случае, в критериях отбора, изложенных в диссертации, нам не удалось найти те, которые исключали из рассмотрения именно этого поэта.

- Кроме того, представляется, что полное умолчание в диссертации об общероссийском кризисе и восстании 1773-1775 гг. не является положительной стороной представленной на рецензию работы. Так, в упомянутых «Читалагайских одах», написанных буквально в походной обстановке 1774 года и несших отпечаток потрясавших страну событий, звучали откровенные оценки,

не всегда проявлявшиеся в иной ситуации. Из текста диссертации К.Д. Бугрова следует, что «правомочность восстания против злого тирана и «мучителя» была общим местом для российской политической мысли XVIII в.», но распространялась только на элиту, на дворян (с. 378-379). Тогда кого имел в виду молодой офицер Державин, командовавший одной из засад на случай прорыва Пугачева в Заволжье, когда писал: «На то ль, на то ль сей только свет, Чтоб жили в нем рабы, тираны, Друг друга варварством пограны, С собою свой носили вред?». Что за «варварство» тиранов упоминает будущий губернатор и министр юстиции? Так ли виновны в своем «варварстве» рабы и так ли бессмыслен их бунт, раз один из командиров карателей призывает не к мести, но к милости, славя императрицу, которая «от казни винных свободила».

- Объемный текст в ряде случаев увеличивается еще больше из-за повторов, причины которых вызывают недоумение. Так, дважды пересказываются требования к отобранной переводной литературе (с. 65, 82) или приводится очень пространная цитата из И.Н. Болтина (с. 243, 260).

- В археографическом и орфографическом плане не понятно появление в транскрибированных текстах XVIII века окончаний в родительном падеже местоимений и имен прилагательных единственного числа на *-аго* или *-яго*, а в местоимениях и именах прилагательных множественного числа женского рода на *-ья* или *-ия*, хотя К.Д. Бугров во всех остальных случаях следует современному правописанию. Так он совершенно правильно убрал «ер» в конце слов, «ять», «фиту» и другие исчезнувшие после 1918 года буквы. Когда он цитирует тексты, уже опубликованные другими коллегами в XX-XXI вв., у него упомянутых окончаний нет, так как предшествующие публикаторы их уже заменили на такие, которые соответствуют Правилам издания исторических документов 1990 года. Однако как только он сам транскрибирует подобный текст, он воспроизводит устаревшие окончания. Не будем указывать, каким правилам издания текстов 18-

го столетия надлежит следовать, но считаем, что на протяжении всего исследования следует придерживаться единообразия при транскрибировании.

Высказанные замечания не ставят под сомнение общую высокую оценку диссертационной работы и достоверность полученных результатов.

Диссертация К.Д. Бугрова представляет собой самостоятельное, завершённое научное, квалификационное исследование. Выводы, сделанные соискателем, имеют существенное значение для исторической науки. Работа читается с интересом.

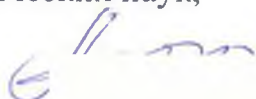
Основные результаты представленного исследования прошли апробацию на международных, всероссийских, региональных научных конференциях, стали известны научной общественности, благодаря 33 публикациям, в том числе двум монографиям. 24 статьи из них вышли в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ. Автореферат соответствует общему содержанию диссертации.

Материалы диссертационного исследования, несомненно, могут быть использованы в образовательном процессе и научной работе высшей школы, академических исследовательских институтов, учреждений культуры при изучении истории общественной и исторической мысли Российской империи XVIII века, культурных связей с зарубежными странами. Их следует адаптировать и применить при подготовке обобщающих, учебных, научно-популярных и справочно-энциклопедических изданий, в практике музейной и выставочной работы.

Диссертационная работа «Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.» полностью соответствует требованиям, изложенным в пунктах 9–11 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. «О порядке присуждения ученых степеней». Ее автор Бугров Константин Дмитриевич заслуживает присуждения

ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 –
Отечественная история.

Официальный оппонент
заведующий кафедрой истории Отечества
Самарского государственного института
культуры, доктор исторических наук,
профессор

Артамонова Людмила Михайловна

23 апреля 2018 г.

Подпись профессора Л.М. Артамоновой заверяю,
проректор по научной работе
и международным связям

Самарского государственного института
культуры, доктор философских наук,
доцент

Соловьева Светлана Владимировна

ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры»,
кафедра истории Отечества
Рабочий адрес: 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167
Рабочий телефон: (846) 333-23-30
e-mail: artamonova@smrgaki.ru